

Мода, идентичность и кризис: как мы создаем одежду, носим ее и заботимся о ней. Часть первая

Одежда

ТМ

Беатрис Би Артур

(Beatrice «Bee» Arthur) — окончила Университет Ганы, работала в Туристическом совете Ганы, лауреат Всеафриканской премии в области моды Kora. annabetya@gmail.com

Соня Баттла

(Sonya Battla) — дизайнер моды, с 1999 года обладательница собственного бренда в Карачи (Пакистан). 7258253@network.rca.ac.uk

Анжепа Янсен

(Angela Jansen) — исследовательница деколониальных практик, педагог, консультант, куратор и руководитель «Группы исследований моды и деколониальности». mangelajansen@gmail.com

Чепкембой Дж. Манг'ира

(Chepkemboi J. Mang'ira) — журналистка и основательница онлайн-платформы OwnYourCulture (Кения), куратор. ownyourcultureafrica@gmail.com

Между- народная модная ассамблея.

Децентрализация исследований моды: организация и обмен опытом

Аннотация

Основой настоящей публикации явилась совместная презентация, сделанная авторами на конференции, проводившейся российским журналом «Теория моды: одежда, тело, культура»

в Ереване 1–2 июня 2023 года. Как представители принимающих сообществ первой Международной модной ассамблеи (Global Fashioning Assembly, GFA), состоявшейся в октябре 2022 года, Би Артур (Гана), Чепкембой Манг'ира (Кения), Соня Баттла (Пакистан) и Анжела Янсен (Нидерланды) поделились опытом организации этого мероприятия и размышлениями о способах децентрализации и деколонизации производства и распространения знаний о моде.

Международная модная ассамблея проводится онлайн один раз в два года. Это собрание исследователей моды из разных стран, представляющее собой деколониальную альтернативу западно-центричным академическим конференциям по истории и теории моды. Принимающими сторонами на ней каждый раз выступают разные сообщества. Этот подход призван деконструировать традиционную колониальную систему организации международных мероприятий и обеспечить адекватные условия для самоопределения, самоуправления и саморепрезентации. Концепция ассамблеи разрабатывается коллективно, а решения, связанные с управлением и организацией, строятся на принципах коллаборации. Каждое принимающее сообщество самостоятельно определяет программу ассамблеи, ее формат, состав участников, аудиторию, язык и эстетику в соответствии со своими специфическими представлениями о производстве моды, творческими задачами и/или актуальными социально-политическими проблемами.

В этой публикации мы делимся опытом и знаниями, полученными в процессе подготовки и проведения Ассамблеи, а также размышляем о колониальности истории моды и о возможностях ее деколонизации. Деконструкция колониального формата современной эпохи — сложная, нелинейная и до сих пор не решенная задача. Организаторы и участники Ассамблеи убеждены, что полноценная реконструкция знания требует изменения формата взаимодействия международных сообществ, а также открытого признания их принципиального неравенства, восходящего к колониальной системе, определяющей, чьи знания должны получить одобрение и подтверждение, а чьи исчезнуть.

Ключевые слова: Ассамблея; мода; деколониальность; децентрализация; саморепрезентация

Введение. Изменить форму, чтобы изменить содержание

Чувства подтолкнули нас к теории, теория — к действию,
чувства по поводу этого действия — к новой теории,
а следом и к новому действию.

Кэти Сарачайлд (цит. по: Keating 2005: 88)

В мае 2023 года меня, **Анжелу Янсен**, пригласили выступить на конференции «Мода, идентичность и кризис: как мы создаем одежду, носим ее и заботимся о ней (и о себе)» в Ереване (Армения). Вместо доклада я предложила рассказать о деятельности Международной модной ассамблеи (Global Fashioning Assembly, GFA). Я собиралась выступать совместно с представителями других принимающих сообществ. Это важно, поскольку главная задача Ассамблеи — децентрализация и деколонизация процесса производства и распространения знаний о моде и создание инфраструктуры, позволяющей высказываться людям, которые из этого процесса исключаются. Я присутствовала на конференции лично, а Би Артур из Ганы, Чепкембой Манг'ира из Кении и Соня Баттла из Пакистана присоединились ко мне по онлайн-связи. Вместе мы рассказывали о концепции и принципах организации Ассамблеи.

Международная модная ассамблея — это онлайн-мероприятие, проходящее раз в два года. Впервые она состоялась в 2021 году. Ассамблея задумывалась как деколониальная альтернатива западноцентричным академическим конференциям по истории и теории моды. Ее организаторами каждый раз становятся новые сообщества. Это позволяет деконструировать традиционные властные отношения колониального типа, составляющие основу международных мероприятий. Ассамблея же, напротив, строится на принципах самоопределения, самоуправления и саморепрезентации. Для нее принципиальна идея коллективного управления, а ее цель — децентрализация и деколонизация производства и распространения знаний о моде. Разнообразие форматов Ассамблеи противопоставлено колониальным институционализированным способам создания и обмена знаниями, в частности формату академической презентации или доклада. Мы отказались от опции конкурсного отбора, требующего решать, чьи знания ценны, а чьи — нет; состав принимающих сообществ и участников определяется коллективно на уровне сетевого взаимодействия.

В первой Международной модной ассамблее, состоявшейся 21–23 октября 2022 года, участвовали тринадцать сообществ, в которые входили участники из четырнадцати стран, расположенных в разных частях света. Мероприятие продолжалось сорок часов, из которых

двадцать восемь отводились на локальные программы, а двенадцать занял обмен опытом. В первый день Ассамблею принимали Новозеландский музей моды (New Zealand Fashion Museum) в Аотеароа, казахское сообщество Born Nomad, пакистанская группа по исследованию деколониальных практик (Pakistan Collective for Decolonial Practices), Африканский институт исследований моды (African Fashion Research Institute, ЮАР) и кенийское сообщество OwnYourCulture. Во второй — Центр исследований моды и костюма (Centre for Research of Fashion and Clothing, Хорватия), участники нидерландских The Linen Project и Группа исследований моды и деколониальности (Research Collective for Decoloniality & Fashion), а также Североафриканское сообщество освобождения моды (Fashion Liberation Collective North Africa, Египет, Марокко и Уэльс). На третий день функции принимающей стороны взяли на себя группа «Мода и деколониальность: Перекрестки Глобального Юга» (Fashion and Decoloniality Collective: Crossroads in the Global South, Бразилия), Международное модное сообщество Ганы (Ghana International Fashion Team), Художественный музей Северной Каролины (North Carolina Museum of Art, США) и Фонд Авамаки (Awamaki Foundation, Перу). В соответствии с главным принципом Ассамблеи каждая принимающая группа самостоятельно определяет содержание, формат, состав участников, аудиторию, язык и эстетику мероприятия, исходя из проблем, которые занимают локальное сообщество. Это существенно, поскольку все мы на собственном опыте имели возможность удостовериться, что форматы западнцентричной академической конференции, включающие в себя процессы рецензирования и отбора, соответствуют деструктивной, эксплуататорской и дискриминационной политике современной моды и поддерживают ее существование.

Когда я, **Би Артур** из Международного модного сообщества Ганы (Ghana International Fashion Team, GiFt), получила предложение одного из принимающих сообществ поучаствовать в деятельности GFA22, я очень обрадовалась. Мне хотелось побольше узнать о формате мероприятия, его ограничениях, концепции, финансировании и так далее. Перед тем как принять приглашение, я провела небольшое исследование и узнала, что проект возглавляют академические ученые: доктор Эрика де Гриф и доктор Анжела Янсен. Меня беспокоила перспектива «ввязаться» в академическую конференцию, учитывая, что я закончила университет более двадцати лет назад и утратила навык разговора на языке ученого сообщества. Я была приятно удивлена, когда выяснилось, что участники Ассамблеи абсолютно свободны

в выборе формата и языка (языков) выступления и не обязаны иметь научную степень. Напротив, организаторы этого онлайн-мероприятия стремились отказаться от «эксклюзивных» форматов и поэкспериментировать с «инклюзивными», не предназначенными лишь для представителей академического сообщества формами. Иными словами, будучи модельером, я была вольна выбирать, кто, где и как именно будет представлять Гану, и я могла выбрать в качестве формата прямую трансляцию, предварительно записанное выступление или даже гибридную презентацию. Спектр возможностей для самовыражения вызвал у меня едва ли не эйфорию. Я никогда даже не слышала, чтобы академические симпозиумы — очные или виртуальные — предоставляли участникам подобную свободу.

Я, **Чепкембой Манг'пра** из сообщества OwnYourCulture (Кения), присоединилась к GFA в 2021 году. Для меня было честью получить приглашение поучаствовать в организации Ассамблеи. Как я с облегчением узнала, для этого не требовалось иметь высшее академическое образование. Для меня это было в новинку, особенно в ситуации международного сотрудничества. Команда GFA была принципиально инклюзивной, я в ней не чувствовала себя аутсайдером и не ощущала неравенства, несмотря на различие наших официальных позиций и возможностей. Здесь не было никаких правил, кроме принципа взаимного уважения. Я общалась лично только с одним участником сообщества; все остальные контакты, которые образовались у меня в процессе двухлетней подготовки Ассамблеи, были виртуальными. По ходу работы мы распределили обязанности. Я курировала сферу коммуникаций, в частности, занималась социальными сетями, поскольку у меня есть опыт в этой сфере. Все происходило очень органично, и я ни разу не проболталась, что получила университетское образование в области медиа. В социальных сетях каждый из нас придерживался собственных стандартов визуальной подачи материала; отсутствие гомогенной эстетики было принципиальным выбором. Поэтому наши социальные сети столь же красочны и разнообразны, как и сами принимающие сообщества.

Я, **Анжепа Янсен** из нидерландской Группы исследований моды и деколониальности (Research Collective for Decoloniality & Fashion, RCDF), в процессе разработки концепции и организации GFA столкнулась с прямо противоположной задачей: после более чем двадцати лет академической работы мне постоянно приходилось ставить под сомнение привычные для меня ученые форматы. Ассамблея — это

деколониальная реакция RCDF на первую заявочную Конференцию незападной моды (Non-Western Fashion Conference, NWFC), проводившуюся Группой в октябре 2012 года. Несмотря на благие намерения, со временем мы поняли, что академический формат не инклюзивен и предполагает серьезные ограничения в части состава участников, формы выступлений и языка. Инициаторы GFA вдохновляются Международными ассамблеями Grassroots2global, где сообщества обмениваются взглядами на политику внутренней целостности. GFA разделяет их миссию: «Невозможно решать проблемы, не меняя образа мысли, который их породил»¹. Будучи (в прошлом) исследователями моды, педагогами и кураторами, мы создали GFA, чтобы стимулировать системные содержательные изменения путем трансформации устоявшихся структурных рамок международного взаимодействия и обмена опытом. Проводя Ассамблею в Нидерландах, мы с самого начала задались вопросом, что такое деколонизация в нашем национальном контексте. Это заставило нас задуматься, какого рода знания были утрачены в Нидерландах из-за процессов, связанных с модерностью/колониализацией. В результате в 2018 году появился проект The Linen Project. Его участники исследуют и пытаются возродить аутентичные техники выращивания и производства льна в Нидерландах. Они рассматривают экономику как социальную, экологическую и культурную сферу и поддерживают социально-экономические модели и поведенческие практики, сложившиеся в рамках общинного подхода².

Реализация антинормативного потенциала GFA предполагает обучение на практике. Вместе с тем знание, как *не надо* делать, не означает автоматического знания, как *сделать иначе*. Разучиться работать в рамках модерного/колониального формата — сложная, неочевидная, нелинейная и еще не решенная задача, а организация мероприятия с широким спектром географических локаций, языков и культурных контекстов сопряжена со многими логистическими и концептуальными трудностями. Коммуникация внутри сообщества организаторов — сама по себе серьезный вызов. Процесс подготовки Ассамблеи занял два года. Сначала мы встречались онлайн каждые два месяца, а затем — каждую неделю. Из-за большой разницы в часовых поясах мы вскоре решили проводить по две встречи в день, одну утром и одну вечером (по центральноевропейскому времени), ведя их запись для участников, которые не могли к нам присоединиться. Задачи распределялись и решались по мере их возникновения. Сформировавшиеся небольшие группы организаторов занимались написанием проектных предложений и заявок на финансирование,

планированием, составлением бюджета, коммуникацией, проектным управлением и производством.

Планирование мероприятия за два года до его проведения, принятое на Западе с учетом среднего времени подачи и реализации заявки на финансирование, бывает затруднительно в ином культурном контексте. Например, как поясняет Чепкембой, в 2022 году в Кении должны были состояться выборы глав регионов и президента. Ранее, в 2007 году, выборы в Кении привели к острому политическому кризису и столкновениям, продолжавшимся два месяца и один день; более 1200 человек погибли, 350 000 были вынуждены покинуть свои дома. Сельскохозяйственное производство серьезно пострадало, работа транспорта была нарушена. Все это привело к резкому экономическому спаду и росту цен на основные товары. После этого страна в период выборов традиционно пребывает в напряжении. Бюджеты сокращаются, а крупные мероприятия принято проводить задолго до или после выборов. В 2022 году голосование должно было состояться в августе, и ближе к июню-июлю мне, представительнице Кении на GFA, было сложно получить подтверждение об участии в мероприятии принимающих сообществ или потенциальных спикеров из Найроби, поскольку многие кенийцы отправляются для голосования в свои родные города. В августе выборы прошли спокойно, однако разногласия по поводу результатов привели к протестам и остановке бизнеса. Месяц спустя, в сентябре 2022 года, вопрос был передан в суд и благополучно разрешился, жизнь вернулась в нормальное русло, а у меня оставалось около четырех недель, чтобы подтвердить локации и состав участников Ассамблеи. Как, в свою очередь, поясняет Соня Баттла, в Пакистане организаторам пришлось учитывать, что во время рамадана в апреле 2022 года все деловые процессы замедляются, а исполнение договоренностей и обязательств откладывается до завершения праздника ураза-байрам. Чтобы продолжить работу над планированием Ассамблеи, назначенной на октябрь, пришлось дождаться конца рамадана.

Помимо часовых поясов и графиков планирования, проблемы доставляли и языковые барьеры, серьезно затрудняющие общение. Возможно, именно поэтому от участия в GFA отказались испано- и португалоговорящие сообщества из Латинской Америки: они не чувствовали себя достаточно уверенно и комфортно, поскольку все коммуникации осуществлялись на английском языке. Большинство затруднений, связанных с интерлокальностью и принципиальной децентрализацией, становятся понятны лишь в процессе совместной подготовки мероприятия. Чтобы их преодолеть, требуется много эмпатии, гибкости мышления и преданности делу.

Места проведения Ассамблей, языки, участники и темы

Быть свидетелем уничтожения культурного разнообразия — значит столкнуться с радикальным сокращением путей в будущее. Одержимые риторикой радикальных инноваций, мы в действительности необратимо ограничиваем возможности моды, которая в будущем могла бы быть разнообразнее.

Роландо Васкес (Vázquez 2020: 150)

Помимо участия в организации Ассамблеи, каждое принимающее сообщество составляет собственную программу. Для Ганы я, **Би**, сразу же выбрала формат прямого эфира из художественной галереи. Я приступила к выбору подходящих участников из Международного модного сообщества Ганы. Мне нужны были представители из разных секторов творческой отрасли: моды, текстильного производства, визуального и перформативного искусства. Размышляя об инклюзивности и адекватной репрезентации общества Ганы, я хотела, чтобы в команду вошли представители разных этнических групп, а также натурализованные ганцы из других частей света. Я обратилась к модельеру Кларе Нширабе Пинкрах-Сам и художнице Рании Одаймат и была рада, когда Нуэль Бан — стилист и редактор журнала *Afrocopolitan* — выказал желание участвовать. Он стал единственным мужчиной в компании трех женщин.

В качестве места проведения панели мы выбрали галерею *Amba*, где выставляются и продаются предметы антиквариата из Западной Африки; в коллекции галереи имеются также лучшие образцы старинной ганской ткани кенте и флаги асафо. Галерея не только была подходящим местом для модной ассамблеи, но и располагалась в престижном отеле с хорошей интернет-связью, что было важно для прямой трансляции. Там имелся даже резервный генератор на случай перебоев с электричеством. Мы собирались обсудить следующие вопросы: «Что значит быть ганцем? Что общего между разными этническими группами Ганы, говорящими на разных языках, по-разному одевающимися и создающими разную музыку? Является ли кенте, производящаяся вручную ткань народности акан, нашей национальной тканью, и действительно ли она имеет ганское происхождение? Аутентичны ли ткани с так называемым африканским восковым принтом или они были созданы европейцами для африканских потребителей? Более ли приемлемы дреды сегодня в профессиональном сообществе и, если да, то что изменило отношение к причёске, изначально ассоциировавшейся с традиционными священнослужителями? Какую роль играет реклама натуральных волос? Почему в нашем социуме до сих

пор широко практикуется отбеливание кожи и поддерживается колоризм? Почему спустя шестьдесят лет после обретения независимости ганские судьи все еще надевают белые парики?»

В воскресенье 25 октября 2022 года все, казалось, было подготовлено. Для нас это была прекрасная возможность поделиться своими бедами и чаяниями с другими сообществами Глобальной модной ассамблеи. Однако якобы стабильная интернет-связь в художественной галерее нас подвела. Оказалось, что невозможно транслировать одновременно изображение и звук, и нам пришлось выбирать что-то одно. Мы выключили камеры и продолжили разговор с помощью звуковой трансляции. Съёмочная группа продолжала работать, поэтому позднее мы смонтировали видео и поделились им с сообществом GFA. Сбой в канале связи вынудил нас изменить формат и мучительно напомнил, как ненадежен интернет в Гане — даже в престижном отеле с резервным генератором. Нам повезло, что мы сумели быстро адаптироваться и все-таки провели панель.

Существенно, что члены сообщества GiFt принадлежат к разным этническим группам, населяющим Гану. Некоторые из них говорят на разных языках. Так, Ранья Одаймат, этническая ливанка, не знает ни одного местного ганского языка и общается на пиджин-инглиш. У меня самой смешанное происхождение: я родилась и выросла на Украине, в Одессе, и владею английским, русским, французским и испанским языками; между тем я почти или совсем не знаю языков фанти, тви, га, эве, хауса или дагбани. Таким образом, члены GiFt были вынуждены, а точнее — обречены обсуждать проблемы деколонизации на колониальном языке: британском английском. Иронизируя на этот счет, мы с болью признавали тот факт, что «трайбализм» — социальная раковая опухоль, поразившая нашу нацию, — не позволяет ганцам выбрать один из местных языков в качестве официального *lingua franca*, альтернативы английскому.

Народ га, представители которого живут преимущественно в районе Аккры, столицы Ганы, гораздо малочисленнее, чем аканы, составляющие почти пятьдесят процентов населения. Соответственно, языки аканов, такие как фанти и тви/ашанти, распространены шире. Многие другие народы, перенимая и присваивая себе элементы культуры ашанти, все же недовольны тем, что язык тви получил официальный статус *lingua franca*. Поэтому, хотя язык тви широко распространен и его легче выучить, чем другие языки Ганы, он так и не признан окончательно в этом качестве. Примечательно, что в Гане многие, если не большинство, владеют двумя или даже несколькими языками. Вместе с тем в сообществах, не имеющих доступа к формальному

образованию западного типа, английский язык известен далеко не всем. Участница GFA22 и GiFt Клара Пинкра-Сам, северянка и аканка, свободно говорит на языках фанти и дагбани. Большинство организаторов говорили на смеси фанти, эве и га. Поэтому, чтобы обеспечить бесперебойную коммуникацию между членами GiFt, практичнее всего было пользоваться английским.

Важно подчеркнуть, что многие современные составляющие ганской идентичности в той или иной степени ассоциируются с доминирующей, если не сказать всепроникающей аканской культурой. Я аканка по отцовской линии, и не понаслышке знакома с предрасудками в отношении аканов. Аканы составляют почти половину населения Ганы. Элементы именно их культуры неразрывно связаны с идентичностью ганцев. Языку аканов принадлежат слова *akwaba* («добро пожаловать»), *sankofa* («вернуться и вернуть») и *kente* (название церемониальной ткани ручной работы)³. Основные экспортные товары — какао, золото и древесина — также ассоциируются с регионом Ашанти, где аканы доминируют как этническая группа. Возможно, именно поэтому аканов считают заносчивыми, и представители других народов Ганы без энтузиазма относятся к идее сделать тви нашим вторым официальным национальным языком.

Чепкембой объясняет, что организаторы из Кении взяли за основу идею *baraza* — *kikao kinachoshughulikia jambo fulani*. Так называется собрание, на котором представители общины обсуждают какую-то неотложную проблему и вместе ищут ее решение. *Baraza* — скорее неформальное мероприятие, в нем принимают участие все члены сообщества, там можно вести важные дискуссии, которые потенциально призваны изменить текущее положение дел. На *baraza* ценен голос и мнение каждого: считается, что все так или иначе могут помочь сообществу. На нашей *baraza* на GFA22 мы обсуждали практические способы деколонизации моды в современном кенийском обществе, размышляли о ценности нашего культурного наследия и пытались понять, как традиционная мода проявляет себя в искусстве и становится частью личной истории. Нам было важно понять, как выглядит деколонизация на практике, то есть как мы на повседневном уровне можем поспособствовать сохранению нашего культурного наследия. Например, как должен вести себя предприниматель в традиционном культурном контексте или как создавать рациональную устойчивую моду, ориентируясь на представления наших предков об уважении к земле? Как ориентироваться в трансграничных взаимодействиях и логистике в рамках континента, как встроить наше культурное наследие в современный контекст? Мы

размышляли о деколонизации нашего образа мысли и жизненно-го выбора, а также обсуждали актуальные и исторические понятия культуры и традиции: как они осмысляются в разных языках и как мы сами их понимаем. Нас занимало, как развивалось наше культурное наследие и развивались ли мы сами вместе с ним.

Для презентации мы выбрали гибридный формат, поскольку считали, что при практическом подходе важен личный контакт; это способствует сотрудничеству. При выборе места проведения панели важно было найти помещение с хорошей интернет-связью, чтобы вести прямую трансляцию мероприятия. Мы остановились на коворкинг-овом пространстве, которое поддерживает деятельность кенийских и восточноафриканских художников и ремесленников (что отвечало нашим ценностям) и предоставляет помещения, подходящие для проведения мероприятий в гибридном формате. Сессия продолжалась четыре часа, чтобы все участники успели приехать, а обмен опытом продолжался столько, сколько было нужно. Для встречи я выбрала пятницу, пять часов вечера по восточноафриканскому времени (EAT), поскольку в это время проще всего собрать людей вместе. Кроме того, нам нужна была помощь с организацией прямой трансляции, а сотрудники коворкинга были доступны лишь в будние дни. Тем не менее не все прошло гладко, были и технические трудности. Оказалось, что мощности микрофона недостаточно для гибридного формата: знание, доставшееся нам дорогой ценой.

До начала дискуссии мы показали отснятый нами видеоролик о кенийском рынке масаи — бродячем рынке, который перемещается в пределах города, а также путешествует по крупным населенным пунктам страны. Там представлена традиционная мода народов Кении и других африканских стран. Для участия в багаза мы пригласили предпринимателей, работающих в области устойчивого развития и интерьерного дизайна, а также дизайнеров-практиков, взаимодействующих с традиционной модой — от уличной одежды до заимствования специфических составляющих общинной культуры. Во время мероприятия мы говорили на разных кенийских языках: суахили, камба и кикуйю, поскольку участникам было так проще, а для некоторых понятий просто не существовало английского эквивалента. Одной из докладчиц была Сильвия Омина Оциено, дизайнер, черпающая вдохновение в традиционных ремеслах, например в плетении корзин. Эта практика существовала на протяжении многих поколений в разных регионах Кении, например в Бусиа и на западе страны. К сожалению, сегодня эти ценные знания и практики утрачиваются. Ориентируясь на них в процессе изготовления украшений, дизайнер

пытается их сохранить. Каждое украшение уникально и рассказывает некую историю. Варианты плетения и формы каждого изделия вдохновлены культурой и бытом народа марачи. Используя их ремесло в новых условиях и для новых задач, дизайнер поддерживает жизнеспособность их культурного наследия.

К нам также присоединилась Анжела Мутетиа, руководитель Кару Langu, студии домашнего декора и дизайна интерьера. Она коллекционирует красивые вещи, обнаруженные во время путешествий по африканскому континенту, и использует в своей работе уникальные составляющие африканской культуры, намеренно стилизуя их под домашний декор. Бисерные короны превращаются в элементы интерьерного дизайна, а ножные браслеты из бисера украшают чашки. Эти работы демонстрируют универсальность африканских артефактов и меняют представления об искусстве и моде. Таким образом существовавшие столетиями традиционные узоры продолжают жить и сегодня. Кроме того, деятельность студии способствует занятости населения на всем континенте.

Участие в Международной модной ассамблее помогло мне осознать, что наши проблемы не уникальны и у нас много общего с другими принимающими сообществами. Например, мне очень понравилось, как представители Ганы рассказывали о сосуществовании нескольких языков в одной стране и о том, как люди, несмотря на это, выстраивают отношения друг с другом. В Кении плакаты с тканями и одеждой из Ганы, с их специфическим дизайном, встречаются повсюду, в каждой швейной мастерской. Эта мода рассчитана на женщин самого разного телосложения, и портные с удовольствием ее воспроизводят. Кроме того, Гана и другие регионы Западной Африки задают парикмахерскую моду в Кении. У нас есть прически, названные в честь городов Нигерии, например косы *abuja*, которые начинаются тонким плетением и расширяются книзу, или косы *fulani*, украшенные бусинами. Есть также популярная прическа под названием «ганские косы». Ткань кенте копируют и воспроизводят в дешевых вариантах, и ее часто носят в Кении во время традиционных церемоний или в дни, отведенные правительством для популяризации африканской моды. В Найроби также распространены вещи из ткани кенте, а также западноафриканские маски. Некоторые поставщики, однако, привозят и оригинальные кенте — тяжелые, искусно сотканые, с характерным узором. В наших языках есть похожие слова; например, ганцы называют себя *chale*, а в Кении *chali* — это сленговое слово, которое мы используем для обозначения мужчин.

Я, **Соня Баттла**, решила провести панель Ассамблеи в Пакистане, поскольку тема деколонизации важна для моей персональной идентичности и способствует пониманию идентичности национальной. Вместе с тем, чтобы понять, что именно эта проблема для меня значит, нужно было присмотреться к ней более пристально и целенаправленно. Я чувствовала, что та же потребность была и у преподавателей и ученых из моего окружения, хотя они и не использовали слово «деколонизация». Нам хотелось снять «шелуху» с представлений о собственной культуре. Мы собрались для обсуждения вопросов организации GFA22 в Пакистане, а через несколько месяцев сформировали Пакистанскую группу по исследованию деколониальных практик (Pakistan Collective for Decolonial Practices, PCDP). Прежде всего нам требовалось осмыслить отношение к собственной истории. Для нашей панели на GFA22 я провела и записала серию интервью на тему «Деколонизация учебных программ в Пакистане». В числе респондентов были Нурджехан Билграми (художник, куратор, педагог и основатель школы Indus Valley School), Фуркан Ахмед (историк и коллекционер современного искусства), Мехр Хусейн (исследовательница, журналистка, историк и основательница Zuka), Асия Симаб (исследовательница и дизайнер текстиля), Зеб Билал (исследователь и преподаватель текстильного дизайна), Шамаэль Ансари (дизайнер и глава Пакистанского совета моды в 2010–2013 годах), Мехвиш Абид (исследовательница, художница, архитектор и член Студии архитектуры, исследований и дизайна (Studio of Architecture, Research and Design, SARD)), Рохма Хан (художница, преподавательница и исследовательница) и Пакиза Заиди (модельер, преподавательница и консультант в области дизайна). Панель открывал Первез Худбхой (активист, исследователь и медийная персона).

Пакистан — бедная страна. Не удивительно поэтому, что исторические штудии здесь не особенно популярны и составляют прерогативу элиты. Мы обращаемся к нашему прошлому в формате ремесленных практик и традиционных методов производства и потребления. Нас как исследователей занимала тема нарративов, бытующих в образовании или текстильном производстве. Деколонизация сегодня понимается как избавление не только от бремени колониального наследия, но и от репрессивных методов правления на протяжении семи десятилетий: военный режим, цензура, намеренный развал системы образования на государственном уровне, исламизация как оружие устрашения. В 2022 году мы снова были колонизированы Соединенными Штатами Америки, поддержавшими парламентский переворот в условиях сложных отношений Пакистана с граничащими странами — Ираном

и Китаем. Эта последняя «колонизация» оставила нас эмоционально подавленными и разобщенными.

В результате раздела Индии в 1947 году, повлекшего за собой крупные столкновения с катастрофическими человеческими потерями и утратой культурного наследия, сегодня почти каждый задается вопросом о собственной идентичности. С 2022 года, после новой колонизации и установления жестокой и нелегитимной системы правления, навязанной нам странами Запада, обсуждать вопросы деколонизации в условиях цензуры стало практически невозможно.

Децентрализация как ключ к деколонизации

Когда вымирают виды или исчезают языки, мы теряем варианты будущего, то есть утрачиваем траектории возможного развития, которые более не существуют.

О них больше не упоминают, и временами это невозможно исправить. Насилие, особенно столь радикальное, как истребление, ведет к молчанию, которое не позволяет нам опереться на то, что было до нас, и привнести это в настоящее для построения альтернативного будущего.

Роландо Васкес (Dankert 2018)

Организаторы GFA декларируют настоятельную необходимость восстановления локальных, этически осознанных и экологически и социокультурно устойчивых глобальных модных ландшафтов, поскольку текстиль, одежда и мода играют ключевую роль в социальной и культурной идентификации. В рамках западного цивилизационного проекта, опирающегося на принципы европоцентризма, антропоцентризма и модерности, культура, природа и история понимаются как ресурс, который нужно классифицировать, эксплуатировать и потреблять. Современная мода встроена в процессы уничтожения и нивелирования культурного, биологического и темпорального разнообразия. «Мода» как имя существительное — современная мода — тесно связана с современной системой неравенства и индустрией потребления, тогда как «мода» как действие, акт украшения тела, принадлежит всем эпохам и территориям (Jansen 2020).

Важно подчеркнуть, что деколонизация не означает непосредственной интеграции ушедших систем моды в современность, признания их актуальной модой или ассимиляции в соответствии с канонами европейской и американской нормативности. Напротив, речь идет о признании, восстановлении и переоценке глобального разнообразия

систем моды — их истории, генеалогии и эстетики. Пока мы продолжаем говорить о моде, костюме, модерности, традиции и деколонизации на английском языке, мы остаемся в европоцентристских и, соответственно, гомогенизирующих рамках. Необходимо не просто перевести западные понятия на локальные языки, а осмыслить и определить локальные понятия, ассоциированные с локальными же ценностями и представлениями.

При подготовке презентации Ганы, рассказывает Би, организаторы задумались, как можно «перевести» идею деколонизальности на язык локального сообщества. Мы пришли к выводу, что лучше всего для этого подходит аканское слово *sankofa*. Чтобы понять, что оно означает, нужно соприкоснуться с религиозными практиками аканов и учесть их любовь к афоризмам. Аканы поклоняются предкам, а их погребальные обряды отличаются пышностью. Участники церемонии обычно драпируются в специальную ткань под названием *adinkra* («прощание»), которую носят в знак траура. Особенность этой ткани составляют нанесенные вручную декоративные символы с философским содержанием. Они призваны выражать скорбь, прощание с умершим — и одновременно напоминать оставшимся о скоротечности жизни и идеалах, жизнеспособность которых необходимо поддерживать. Язык играет важную роль в конструировании идентичности и формировании мировоззрения. Как удачно заметил британско-американский философ Кваме Энтони Аппиа (акан по происхождению), символы позволяют поддерживать и передавать из поколения в поколение «сложно устроенный комплекс практик и верований», принятых у народа акан (Appiah 1993).

Один из символов *adinkra*, приобретший важное значение вне контекста традиционных похорон, — это упоминавшийся выше символ *sankofa*, который буквально означает «вернуться, чтобы вернуть». Это изображение птицы с длинной шеей, повернувшей голову назад и пытающейся подхватить яйцо, парящее у нее за спиной. Расширенное значение этого слова и соответствующей идеограммы таково: «Нет ничего плохого в том, чтобы вернуться за тем, что ты забыл». Аканы понимают это следующим образом: можно и нужно оглядываться на прошлое, не бояться брать оттуда и приносить в настоящее все хорошее, чтобы с помощью этого добиться позитивных изменений. Концепция *sankofa* предполагает деконструкцию устоявшихся, пусть и устаревших идей и замещение их прогрессивными альтернативами там, где это уместно. Символ *sankofa* часто используется в традиционном искусстве аканов — в украшениях, татуировках и одежде,

что делает его одним из самых распространенных и популярных знаков *adinkra* в Гане и за ее пределами.

В одной из интерпретаций *sankofa* означает «вернуться к своим корням». Именно эта трактовка нашла живой отклик у афроамериканцев и представителей африканской диаспоры — как призыв вернуться на «родину» в поисках своих корней. Они охотно приезжают в Гану, и не только в качестве туристов. Правительство Ганы использует этот символ как слоган, пытаясь подтолкнуть афроамериканцев к переселению, стимулировать их инвестировать в экономику страны или вкладываться в культуру и туризм. 2019 год ознаменовался 400-летней годовщиной отправки первых рабов-африканцев из Ганы (из региона Золотой Берег) в Америку. Правительство Ганы объявило его годом возвращения с лозунгом *sankofa*⁴. Чтобы привлечь в страну деньги диаспоры, министерство финансов Ганы даже создало специальный инвестиционный счет, получивший название «Африканский счет SANKOFA» (Ministry 2020).

Концепция *sankofa* вносит вклад в процесс отмежевания от доминирующей колониальной европоцентристской культуры, интегрированной во многие африканские сообщества и поддерживаемой сегодня с помощью современной/колониальной системы образования, англоязычия и политики средств массовой информации. И вместе с тем попытка вернуться в прошлое вызывает много вопросов. Насколько хорошо современные (городские) африканцы знают свое прошлое? Существует ли вообще в наши дни «незамутненная» африканская культура? Исторические нарративы наших предков бытовали в устном виде, а наша письменная история создана в основном европейцами и представителями колониальных администраций, а в последнее время — европоцентричными антропологами. Тогда к чьей версии прошлого нас призывают вернуться? На что нам следует оглядываться? Возможно, истоки «незамутненной» африканской идентичности можно найти лишь в неакадемической среде, в тех регионах Африки, где еще справляются традиционные праздники и обряды, жизнеспособность которых поддерживают вожди кланов?

Размышляя о том же применительно к Кении, Сильвия Омина Оцино заметила, что изучает историю дизайна своего народа не столько в школе, сколько благодаря общению со своим дядей и работе с сельскими общинами Кении в процессе создания экологичных украшений с использованием банановых волокон. Анжела Мутетиа затронула тему исчезновения традиционных танцев, которые в ее обществе использовались как форма презентации нарративов и метод образования. Она подчеркнула, что такое знание приобретается не

в школе, а в процессе непосредственного наблюдения, что свидетельствует о важности признания и осмысления альтернативных способов преподавания и обучения. Вместе с тем, добавляет Чепкембой, мы говорили также о необходимости документирования и архивирования информации в интересах будущих поколений, которым важно представлять себе историю традиционной локальной моды. В Кении с большей частью исторического наследия можно познакомиться только в музеях или рассматривая старые фотографии; еще сложнее что-то узнать о техниках и материалах, использовавшихся для создания этих вещей. В зарубежных музеях хранятся артефакты, к которым мы не можем получить доступ или даже увидеть их из-за финансовых барьеров, таких, например, как дорогостоящие визы. Некоторые техники были утрачены в условиях колонизации, и сегодня дизайнеры и ремесленники вместе пытаются их воссоздать.

Как поясняет Чепкембой, не существует единственно верного способа восстановить утраченное наследие. Мы возвращаемся к нашим аутентичным именам и языку, а теперь и к материальной культуре, чтобы заново присвоить себе собственное наследие, особенно художественные ценности и моду. Нам очень сложно приобщиться к прошлому, и перечисленные выше методы — лишь первый шаг в этом направлении. Это опосредствованный и нелинейный процесс, здесь нет единственно верного решения, мы можем делать только то, что в наших силах. Практики варьируются от региона к региону, и локальный контекст очень важен. Наша национальная идентичность и внутренняя целостность обесценивались в прошлом и продолжают обесцениваться в настоящем, поэтому приходится делать все возможное, чтобы обрести ее снова.

Вместе с тем, добавляет Би, в Гане *sankofa*, призыв присвоить себе прошлое в интересах будущего, используется и в манипулятивных целях. Эта концепция может ассоциироваться с отказом от критического мышления, со слепой верой и готовностью усваивать те или иные дискурсы лишь потому, что те восходят к доколониальной эпохе. Такой подход ведет к порабощению определенных социальных групп; традиционно считается, скажем, что женщина ниже мужчины и должна во всем ему угодать. Бездумная, некритическая идеализация мифического прошлого таит в себе опасности. Акань постоянно вспоминают о славе и величии империи Ашанти, пытаются легитимизировать свою доминирующую позицию в современной политической системе. Ложная трактовка *sankofa* чревата разочарованиями и бесконечными конфликтами между представителями ганского общества и африканской диаспоры. На Ассамблее постулируется

и поддерживается принцип плюрализма, а участие в ней помогает осознать, что наши внутренние разногласия требуют неоднократного обсуждения, если мы хотим понимать друг друга, учиться друг у друга и вместе искать новые пути решения наших проблем.

Декolonизация в Гане осуществима лишь при условии отказа от глубоко укоренившегося трайбализма, поддерживавшегося колонизаторами в рамках программы «разделяй и властвуй». Кто определяет, какие идеи, которые мы берем в будущее, токсичны и противоречат прогрессу? И что такое прогресс в локальном контексте? Все ли аспекты модерной/колониальной эпохи по умолчанию негативны? И разумно ли, стоя на позициях деколонизации, отвергать любое западное влияние? Современная реальность показывает, что модерность желанна и глубоко укоренена в урбанистическом социуме. Многие из местных хиплайф-музыкантов и исполнителей пропагандируют и превозносят стиль жизни богатых и знаменитых обитателей запада. Они покупают Bugatti, Maseratti и Rolex, ездят в отпуск на Санторини, пьют шампанское, заводят дом с бассейном и множество светлокотных спутниц. Ганцы-горожане быстро приучаются называть людей более традиционных взглядов «крестьянами», «деревенщиной» или «коло» (от «колониальный»). Наши политические лидеры носят европейские костюмы и отправляют детей учиться в Великобританию и США, чтобы те научились говорить по-английски с западным акцентом.

Заключение.

«Распаковка» колониальной истории ради деколониального будущего

Совместная работа над этой статьей и дебаты в процессе ее написания, рассказывает Анжела, не только позволили прояснить некоторые сложные вопросы, но поставили перед нами новые, с которыми придется разбираться, если мы стремимся к децентрализации и деколонизации процессов производства и распространения знаний о моде, а также к восстановлению ее разнообразия. Хотя организаторы GFA ориентировались на пример международных ассамблей, проводившихся по инициативе снизу (и, возможно, впервые провели в таком формате встречу, посвященную именно моде), единение поверх различий и обучение в процессе коммуникации свойственно многим сообществам; пример тому — практики *bagaza* в Кении и *hũi* у маори. В отличие от обычных конференций, ассамблеи предполагают научение посредством действия, обретение воплощенного и прожитого

знания, не ассоциированного с институциями. Именно поэтому на них так редко ссылаются в академическом контексте. В фокусе внимания здесь всегда взаимодействие, а не результат, сообщества, а не аудитория, и познание, а не доминирование (Vázquez 2020). Объединяясь в разнообразии, обучаясь в отношениях, мы узнаем много нового не только о чужих мирах, но и о своем собственном. Мы осознаем, что именно мы принимаем как должное, что считаем «нормальным» и главное — что нас связывает друг с другом.

Узнав, что организаторы панелей в Гане и Кении были вынуждены выбрать в качестве локаций для проведения ассамблеи гламурные художественные галереи и элитные отели класса люкс ради стабильного интернет-соединения и наличия резервного генератора на случай отключения электричества, мы задались следующими вопросами: как западные атрибуты современной/колониальной эпохи влияют на содержание дискуссий, а также на доступность/инклюзивность тех или иных программ? И не является ли отсутствие интернета и отключение электричества еще одной формой замалчивания? Это заставило меня, Анжелу, осознать свое привилегированное положение, поскольку свободный доступ к надежному интернету и стабильному электропитанию гарантирует мне право голоса и «место за столом».

Обсуждение языковой политики помогло нам понять, что в многонациональных и многоязычных странах, таких как Гана и Кения, язык бывшего колонизатора может оказаться предпочтительным нейтральным языком общения, позволяющим сгладить (политические) последствия трайбализма. Для представителей сообщества Кении, однако, обращение к национальным языкам не только предполагало обретение утраченной идентичности, но и способствовало экспликации сложных культурных понятий, специфический смысл которых терялся в английском переводе. Вместе с тем, по мнению Анжелы, пока мы будем говорить о моде, традиции, модерности и деколонIALности (ср. испанский термин *descolonialidad*, введенный в оборот интеллектуалами из Латинской Америки), они будут ассоциироваться с западным, европоцентричным и, соответственно, гомогенизирующим контекстом. Если мы хотим восстановить и поддерживать генеалогический, эпистемологический и эстетический плюрализм в сфере моды, нужно не переводить западные категории на локальные языки, а опираться на аутентичные понятия — такие, например, как *sankofa* в Гане. Как объясняет Соня, представители ее сообщества, которых объединяло желание «снять шелуху с истории Пакистана», отказались от обязательного использования термина «деколонIALность».

Поставленные Би вопросы: «К чьей версии прошлого нас призывают вернуться?» и «На что нам следует оглядываться?», а также ее размышления о последствиях колониальной эпохи очень важны для разговора о деколонизации моды. Поясняя, что основой национальной ганской идентичности является культура народа акан, транслируемая посредством тканей, кулинарии, символов и музыки в ущерб другим этническим группам, Би пронизательно замечает, что локальные нарративы традиционно бытовали в устном виде, тогда как письменная история Ганы создавалась либо представителями колониальной администрации, либо — позднее — европоцентричными антропологами. Следует учитывать также, что «идеализация мифического прошлого» и присвоение его отдельными социальными группами зачастую ведет к оправданию этнического, религиозного и гендерного неравенства. Рефлексии по поводу существования так называемой «незамутненной» традиции естественным образом приводят к осознанию ценности неинституционализированных знаний, транслируемых и обретаемых в процессе обрядовых и коммеморативных практик. Вместе с тем, как напоминает Чепкембой, «не существует единственно верного способа восстановить утраченное наследие», а «приобщение к прошлому — опосредствованный и нелинейный процесс». Местные дизайнеры часто не имеют доступа к собственному материальному культурному наследию из-за отсутствия локальных архивов и музеев и недоступности зарубежных коллекций, однако некоторые знания сохраняются и поддерживаются в формате ремесленных и художественных практик. Как заметила Омина Оциено в разговоре с представителями Кении, она изучает историю моды своего народа благодаря общению со своим дядей и взаимодействию с сельскими ремесленными сообществами. Анжела Мутетиа, в свою очередь, упомянула о традиционных танцах как форме конструирования нарратива и одном из методов обучения, принятом в ее сообществе.

Вопрос о том, как местные дизайнеры «перепрофилируют» традиционное культурное наследие, занимает Анжелу уже некоторое время. Она размышляла, что же в действительности происходит, когда локальные (модные) дизайнеры обращаются к национальному прошлому как источнику вдохновения в поисках оригинальных дизайнерских идей. Многие мастера модной индустрии, получившие европоцентричное городское образование, рассматривают традиционные ремесла, до сих пор практикующиеся в сельской местности, как ресурс, разработка которого может предоставить им новые средства

производства и презентации изделий, которые хорошо продаются. В большинстве случаев эти дизайнеры ориентируются на вкусы западных потребителей. Беседуя с индийским дизайнером и педагогом Ричей Суд, Анжела поняла, что изначальная задача ремесел — не просто изготовление вещей, но формирование сообщества. Рича объясняет это так: «Те люди, которые делают что-то вместе, и остаются вместе»⁵. «В Индии искусство, дизайн и ремесло никогда не осмыслились как принципиально разные занятия. Люди там помнили, насколько хрупка жизнь, поэтому деятельность общины подпитывалась ощущением связи с природой, благодарности и преданности ей, заботы о ней как о первозданном источнике самой жизни. Эти ценности и убеждения находили выражение в текстильных и ремесленных практиках, формировавших сообщества и определявших их идентичность. Поэтому ремесленничество по определению было коллективным занятием. Совместное творчество укрепляло человеческие отношения, способствовало ощущению солидарности и конструировало коллективные представления... Образы и мотивы служили манифестацией нематериального эмоционального знания, универсального и в то же время адаптивного, подходящего для каждого следующего поколения, что еще больше укрепляло его значимость». Образованные горожане и профессионалы (модного) дизайна, продолжает Анжела, (непреднамеренно) отвергли авторитет «необразованных» сельских ремесленников, позиционируя себя как первопроходцев, прокладывающих путь в модернность и современность, выходящих на (глобальный капиталистический) рынок. Они искренне верят, что спасают местные ремесла, используя традиционные техники для производства потребительских товаров; в действительности же связь ремесла с конкретной местностью, общиной, природой и традиционным знанием в этой ситуации утрачивается. В первую очередь мы забываем, что ремесленные практики — это основа сообщества. И культурное наследие, и культурная идентичность превращаются в объект потребления. Хороший пример тому — история Би о коммодификации идеи *sankofa* правительством Ганы в рамках празднования «года возвращения» (2019), показательного сопровождавшегося созданием инвестиционного счета SANKOFA.

Это подводит нас к вопросу о последствиях деколонизации в условиях современной/колониальной реальности. Би размышляет, допустимо ли по умолчанию негативно расценивать «все аспекты современной/колониальной эпохи» и не пытаемся ли мы огульно «демонизировать все современное/западное» лишь потому, что стоим на позициях деколонизальности? Как поясняют Вальтер Миньоло и Кэтрин Уолш,

деколониальность не означает отказа от западного типа мышления или его отрицания. Скорее речь идет о сомнении в его универсальности и необходимости (ре)контекстуализировать и переосмыслить его как одну из составляющих всемирного разнообразия. Большинство из нас так или иначе связаны с западной цивилизацией, но это не значит, что мы должны слепо принимать все, что она с собой несет (Mignolo & Walsh 2018: 3). Деколониальность — это реакция на обещания современной эпохи и реалии колонизации (Ibid.: 4). Хотя модернность, как рассказывает Би, «желанна и глубоко укоренена в урбанистическом социуме», нельзя игнорировать то, что Роландо Васкес именует (ложным) представлением о модерности как единственно возможном пути к обретению достоинства и полноты жизни (Vázquez 2020: 133). Чепкембой и члены ее сообщества ищут «практические и реальные методы» деколонизации в условиях современного (урбанизированного) кенийского общества, которые обеспечили бы сохранность культурного наследия и возрождение традиционного отношения к земле.

Формулировка и осмысление этих проблем предваряет подготовку второй Международной модной ассамблеи, которая планируется в октябре 2024 года (GFA24). Мы собираемся увеличить количество принимающих сообществ с четырнадцати до двадцати; панели пройдут в двадцати шести странах. Таким образом, вместо сорока часов, отведенных на выступления в 2022 году, Ассамблея теперь будет длиться шестьдесят часов, из которых сорок займут презентации локальных программ, а двадцать — обмен опытом. Вместо двенадцатичасовых сессий, проходивших три дня подряд, GFA24 будет состоять из десяти дней заседаний на протяжении одного месяца; каждая панель будет длиться не более шести часов. Это позволит принять больше сообществ из большего числа регионов, и мы сможем учесть пожелания организаторов и разницу в часовых поясах. Таким образом, взаимодействие в рамках Ассамблеи доставит меньше хлопот всем ее участникам.

Перевод с английского Елены Кардаш

Литература

- Appiah 1993* — Appiah K. A. In *My Father's House: Africa in the Philosophy of Culture*. N.Y.: Oxford University Press, 1993.
- Dankert 2018* — Dankert Z. Decolonial Listening: An Interview with Rolando Vázquez // *Soapbox Journal*. 2018. Vol. 1 (1). P. 147–156. www.soapboxjournal.net/print-editions/1-1-practices-of-listening (по состоянию на 04.05.2024).

Jansen 2020 — Jansen A. Fashion and the Phantasmagoria of Modernity: An Introduction to Decolonial Fashion Discourse // Fashion Theory: The Journal of Dress, Body & Culture. 2020. Vol. 24.6. P. 815–836.

Keating 2005 — Keating C. Building Coalitional Consciousness // The National Women's Studies Association Journal. 2005. Vol. 17 (2). P. 86–103.

Mignolo & Walsh 2018 — Mignolo W., Walsh C. Introduction // On Decoloniality: Concepts, Analytics, Praxis. Durham: Duke University Press, 2018. P. 1–14.

Ministry 2020 — Ministry of Finance of the Republic of Ghana. «Minister for Finance announces the Establishment of African Sankofa Savings Account». mofep.gov.gh/news-and-events/2020-01-04/minister-for-finance-announces-the-establishment-of-african-sankofa-savings-account.

Vázquez 2020 — Vázquez R. Vistas of Modernity: Decolonial Aesthetics and the End of the Contemporary. Amsterdam: Mondriaan, 2020.

Примечания

1. www.grassroots2global.org.
2. thelinenproject.online.
3. Ткань кенте традиционно носили короли и вожди племени ашанти. В нее же облачался доктор Кваме Нкрума, первый президент Ганы после обретения страной независимости. Эта ткань рассматривается во всем мире как символ panaфриканизма и афроцентризма.
4. www.yearofreturn.com.
5. Интервью с Ричей Суд, ноябрь 2023 (онлайн).